

ОКтябрьская революция и ее влияние на деревню Российского Дальнего Востока

Коллективизация и ее последствия

Людмила Ивановна ПРОСКУРИНА,
кандидат исторических наук

Особенности аграрного строя в значительной степени определили специфические условия развития революционного движения накануне и в период Октябрьской революции, характер аграрных преобразований в начале 1918 г., позицию крестьянства во время Гражданской войны.

Советская власть установилась на Дальнем Востоке позже, чем в центре страны, в числе первоочередных задач в деревне поставила урегулирование до крайности запутанных земельных отношений, прирезку бедноте земли за счет конфискованных и национализированных кабинетных, церковных, частновладельческих земель, запрещение самовольных захватов кулаками свободных земель, освобождение крестьян от ежегодных арендных платежей казне и Кабинету, решение продовольственно-го вопроса, снабжение населения семенами, сельхозорудиями и рабочим скотом для проведения посевной 1918 г.

К 1917 г. на Дальнем Востоке сложилась своеобразная классовая структура крестьянства. Дальневосточная деревня находилась в условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений, была менее отягощена полукрепостническими пережитками и отличалась далеко зашедшим социальным расслоением. Но общие черты, характерные для трех категорий крестьян, прослеживаются и на западе, и на востоке страны.

В современной литературе, не столько научной, сколько в публицистике, часто игнорируется значение первых аграрных преобразований, проповедуется взгляд о пассивности крестьянства, а иногда и о его ненависти к новой власти. Такой подход, на наш взгляд, не учитывает реального соотношения сил сторонников и противников советской власти на Дальнем Востоке в разные периоды Гражданской войны. Как нельзя игнорировать значение и последствия первых аграрных преобразований, так и преувеличивать их масштабы на Дальнем Востоке.

Однако осуществление первых аграрных преобразований в крае было прервано начавшимися боевыми действиями Гражданской войны и интервенцией. Позиция крестьян, конечно, сыграла большую роль в судь-

бе советской власти в крае, от их поведения (большинства населения района) зависел исход войны. Преобладание в составе населения России в начале 20-х гг. XX в. крестьянства обусловило многие социально-экономические и политические процессы в стране в целом и в отдельных регионах.

Исследование исторического пути, пройденного дальневосточным крестьянством в 20—30-е гг., позволяет выявить основные тенденции и особенности развития деревни. Сельское хозяйство Дальнего Востока прошло несколько этапов становления. До 1917 г. в условиях протекционистской политики государства происходил рост сельскохозяйственного производства на базе индивидуального капиталистического развития. В годы революций, Гражданской войны и иностранной интервенции отмечается некоторое сокращение сельского хозяйства, особенно по отраслям растениеводства, при относительно большей устойчивости животноводства. Дальневосточная деревня не в полной мере пережила аграрную революцию, уравнительного перераспределения земли большевики произвести не успели. Экономически крепкое дальневосточное крестьянство в годы военных потрясений понесло меньшие потери, чем крестьяне центральных районов страны. Сокращение численности хозяйств предпринимательского типа к 1923 г. являлось не следствием их экспроприации, а результатом нарушения традиционных экономических связей, эти хозяйства сохраняли значительные потенциальные возможности для быстрого восстановления и последующего роста.

Сравнительно зажиточное старожильческое крестьянство, основная часть населения дальневосточной деревни, от новой власти ощутимой поддержки не получило и было далеко от понимания ее аграрной политики. Это сужало социальную базу коммунистов в деревне, затрудняло осуществление социалистических преобразований. Несмотря на жесткие партийные установки соблюдения классовости в аграрной политике, местная власть стремилась учитывать политическую и социально-экономическую специфику региона. В определенной мере этому способствовала новая экономическая политика (нэп), хотя очень скоро выявилась ее противоречивость. Как система продовольственных и денежных налогов, введенных на Дальнем Востоке жесткими директивными методами сверху, нэп вызвал недовольство крестьян, его введение для дальневосточной деревни в известном смысле имело обратный результат, прямо противоположный российскому. «Классовый принцип» налоговой политики основной тяжестью лег на зажиточное крестьянство и стал тормозом развития сельскохозяйственного производства. Ошибки в налогообложении, приведшие к трагическим событиям 1924 г., обусловили более гибкую земельную и кредитную политику, понимание роли земельных обществ в политической и хозяйственной жизни деревни и лояльное к ним отношение, но и одновременно осторожные действия в поддержке деревенской бедноты.

В 20-е гг. в стране в условиях противоречий нэпа формировалось противостояние «государство — крестьянство». Зачастую интересы крестьян воспринимались управленческим аппаратом как противоречащие интересам государства и социалистического строительства. Ориентированные, пусть и в ограниченной степени, на местные условия политико-экономические мероприятия способствовали росту дальневосточного сельского хозяйства к 1928 г. на основе индивидуального крестьянского производства при слабом развитии общественных социалистических форм.

В советской историографии утвердилось мнение, что к концу 20-х гг. крестьянское хозяйство полностью себя исчерпало. Анализ общей направленности и темпов развития сельского хозяйства Дальнего Востока показывает несостоятельность этого положения. Возможности поступательного развития крестьянской экономики на базе нэпа не были исчерпаны, возникшие негативные тенденции, особенно хлебозаготовительный кризис 1928—1929 гг., связаны с политикой наступления властей прежде всего на зажиточную часть крестьян, самых хозяйственных и предприимчивых. Кризис хлебозаготовок стал катализатором, который ускорил и обострил социальные и политические процессы в стране и послужил поводом для смены аграрного курса. Летом 1929 г. сталинское руководство страны приступило к проведению сплошной коллективизации при ликвидации мелкотоварного крестьянского хозяйства и создании обобщественного производства.

Сплошная коллективизация на российском Дальнем Востоке началась несколько позже, в январе 1930 г., что связано с особенностями развития дальневосточной деревни, которая заметно отличалась от села европейской части страны и имела ряд общих черт с сибирской деревней. На Дальнем Востоке было сравнительно много зажиточных хозяйств со значительным удельным весом наемного труда и высокой технической оснащенностью. В регионе также находилось корейское земледельческое население, которое играло большую роль в сельскохозяйственном производстве, особенно в выращивании риса, и с ним нельзя было не считаться. Многие дальневосточные крестьяне были связаны с белыми отрядами, находившимися в Маньчжурии, и близость границы усиливала тревогу местных властей. В приграничных районах края проживали в основном зажиточные крестьяне и бывшие казаки, они особенно активно выступали против коллективизации и советской власти. Недовольство зажиточных крестьян заставило центральные органы власти принять решение о создании красноармейских колхозов, которые стали опорой и поддержкой местных властных структур в проведении коллективизации. Заметную роль в сельском хозяйстве Дальнего Востока играло переселение крестьян, в основном бедноты, из центральных районов страны.

Насилие и произвол приняли повсеместный характер. Под давлением властей значительная часть дальневосточного крестьянства вынужде-

на была вступить в колхозы. Темпы коллективизации приняли непомерно форсированные размеры: с января по апрель 1930 г. уровень ее возрос с 8,8% до 45%¹. Насильственная коллективизация и раскулачивание стали возможными в результате мощных действий государства и созданной им командно-административной системы, а также наличия в деревне социальной силы, поддерживавшей власть. Многие слои населения — батраки, бедняки, а также низовой партийный и советский актив — стали опорой политического экстремизма. В большинстве случаев они были непосредственными инициаторами и исполнителями необоснованного раскулачивания, создания коммун, применения принудительных мер по отношению к колебавшимся. Некоторые искренне верили в идею коллективизации и считали, что с созданием колхозов будет решена хлебная проблема и обеспечена зажиточная жизнь и что иного пути нет. Эта часть крестьянства, оторванная идеологически, психологически, экономически и организационно от зажиточно-среднезажиточных слоев, тяготела к взаимодействию с государством. На поддержку таких крестьян и рассчитывал Сталин, делая ставку на форсирование массовой коллективизации. И этот расчет во многом оправдался.

В Дальневосточном крае раскулачивание развернулось с конца февраля 1930 г. Было намечено к высылке около 4 тыс. кулаков 2-й категории и их семей (20 тыс. чел.), до мая 1930 г. переселили 447 семей кулаков всех категорий (2235 чел.) в Амурский, Зейский и Владивостокский округа, на окраины сел². Из-за невозможности доставить раскулаченных в зимнее время в намеченные пункты, поступила директива, согласованная с центральными органами, о выселении кулаков всех категорий за пределы колхозов. В незначительном количестве кулацкие семьи отправляли в худшие избы на окраины сел.

Основательное раскулачивание (вплоть до последней нитки) привело к тому, что люди не имели минимальной нормы продовольствия и средств производства, поэтому их нельзя было отправлять в отдаленные, необжитые районы. Особенно это характерно для Сибири и Дальневосточного края³.

Постановлением комиссии крайисполкома от 2 марта 1930 г. и директивой краевого комитета от 23 апреля были установлены участки, куда предполагалось выселение и трудоустройство семей второй и первой категорий. В Зейском округе их насчитывалось на 11 тыс. чел., в том числе для кулаков Читинского, Сретенского и Зейского округов. Из Владивостокского, Амурского и Хабаровского округов намечалось отправить раскулаченных в Николаевский-на-Амуре округ на лесоразработки и золотые прииски. Планировалось расселить на прииски «Союззолото» и лесоразработки «Дальлеса» 9 тыс. чел. Крестьян обязывали заниматься огородничеством, животноводством, а по рекам рыболовством. В поселках, расположенных на расстоянии не ближе 10 км друг от друга, должны были проживать не более ста семей (500 чел.)⁴.

Все кулацкие семьи 3-й категории, расселявшиеся за пределами колхозных участков и 22 км погранполосы, устраивались отдельными поселениями на специально отведенных им земельных участках в пределах этих же районов⁵.

Проведение таких операций внутри сёл и районов Дальнего Востока создавало напряжённую обстановку в деревне. Озлобленные крестьяне угрожали расправой всем, кто проводил выселение, в том числе беднякам-колхозникам, которым отдавали их дома. Так, в одном лишь Амурском округе за одну пятидневку зафиксировали 80 фактов угроз со стороны выселенных кулаков. Поэтому бедняки отказывались занимать кулацкие дома⁶ и повсеместно ставили вопрос о безусловной отправке кулаков за пределы селений и даже районов. Местные власти «усилили» свою работу, по отдельным сёлам раскулачили от 10 до 23% крестьянских хозяйств, в том числе середняцких, бедняцких и даже хозяйств бывших партизан и красноармейцев.

Под нажимом властей стали объединяться в колхозы и проживавшие в крае корейские крестьяне, часть из них была раскулачена. Массовые обыски, групповые аресты, реквизиция хозяйств привели к уходу корейцев из края за границу. По отдельным районам бегство корейского населения приняло большой размах: в Сучанском и Шкотовском районах до 60%, в Гродековском — 50%, в Черниговском — 45% и т.д.⁷

Широкое применение репрессий против крестьян, злоупотребление властью накалили социально-политическую атмосферу в деревне. Только с января по март 1930 г. в стране произошло более 2 тыс. крестьянских выступлений, охвативших свыше 1 млн. чел. В их подавлении были задействованы органы ОГПУ, армия и даже авиация. В Дальневосточном крае отмечалось 12 антиколхозных выступлений с 1300 участниками⁸. В Читинском округе 3 марта 1930 г. вспыхнуло восстание в с. Малета, 12 апреля начался Зейский мятеж⁹.

Весной 1930 г. в Дальневосточном крае в операции против кулачества участвовали 125 отрядов войск ОГПУ, всего было переброшено распоряжением центра и ПП ОГПУ 7 257 бойцов, что свидетельствовало о чрезвычайно широком вовлечении войск в борьбу с кулачеством. В дальнейшем происходило усиление частей ОГПУ, в Дальневосточный край прибыло дополнительное количество бойцов (301 чел.)¹⁰.

Под давлением крестьянского сопротивления и нарастающей угрозы полного развала сельского хозяйства сталинское руководство приняло меры против принуждения крестьян вступать в колхозы. Местные власти стали разрешать массовые выходы крестьян, насильственно загнанных в колхозы, чтобы не довести дело до открытой крестьянской войны. За один месяц, с апреля по май 1930 г., число коллективных хозяйств на советском Дальнем Востоке уменьшилось с 45 до 26%.

В летний период 1930 г. было принято и рассмотрено свыше 6 тыс. жалоб крестьян на незаконное раскулачивание, в результате более 100 по-

становлений местных органов власти опротестовано, восстановлен ряд середняцких хозяйств. В деревне наступило кратковременное «затишье», растерявшиеся организаторы коллективизации не решались на ее новый штурм. Однако Сталина и его сторонников, разумеется, не могли удовлетворить ни спад, ни застой коллективизации. С осени 1930 г. вопреки всем постановлениям началось новое форсирование коллективизации и наступление на крестьянство насильственными мерами. Общие итоги раскулачивания и депортации 1930 г. оказались внушительными: в Дальневосточном крае ликвидировано 3 937 хозяйств, высылке по второй и третьей категориям подверглись 537 семей¹¹. В то же время с Украины, Белоруссии, центральных районов страны было выслано в ДВК и на рудники Алдана 4 083 семьи (21 381 чел.). Дальневосточный край, как и Сибирь, к концу 1930 г. превратился в зону крестьянской ссылки¹².

Коллективизация продолжалась и в 1931 г. За год количество объединенных хозяйств увеличилось более чем в два раза. Последние методы — это факторы принуждения: ужесточилось налоговое бремя на единоличников, не желавших вступать в колхоз, а главное — по-прежнему практиковалось раскулачивание. Среди сельских жителей шли разговоры о том, что выселяют всех — и зажиточных крестьян, и середняков, и даже бедняков. В селах ждали по ночам арестов, готовили сухари, одежду, резали мелкий скот¹³.

Вторая кампания по выселению крестьян уже прямо называлась операцией и проводилась по строго разработанному плану. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что власти основательно к ней готовились. Подтверждение этому — «план операции выселения кулаков из села Богуславка Гродековского района 28 июля 1931 г.»¹⁴.

29 июля 1931 г. ДКИК принял решение завершить ликвидацию кулачества в крае. В сентябре власти приступили к заключительному этапу выселения, намереваясь устранить всех кулаков, сбежавших из деревни или проникших в колхозы¹⁵. В 1930—1931 гг. в Дальневосточном крае были высланы 2 922 кулацкие семьи 2-й категории и семьи кулаков, отданных под суд¹⁶. Более 5 тыс. раскулаченных семей выслали в основном на север — в лесозаготовительные лагеря, на различные стройки, золотые прииски, шахты, некоторые из них попали в Сибирь, на Урал, в Казахстан¹⁷. Необходимо отметить, что массовое насильственное выселение крестьян в отдаленные районы прекратилось в целом по стране к концу первой пятилетки, а на Дальнем Востоке продолжалось более длительное время.

Проводимая сталинским руководством политика насильственной коллективизации и раскулачивания сказалась на развитии сельского хозяйства края. Ощущался большой недостаток зерна, продуктов животноводства. Уссурийская область до начала второй пятилетки имела хлебные излишки, а в 1933 г. с развитием промышленности и главным образом с ростом армии стала испытывать хлебный дефицит, который покрывался в основном за счет ввоза продуктов из других районов страны.

В некоторых районах Дальнего Востока отмечались продовольственные трудности, имелись даже случаи голода крестьян. Так, в Амурской области, в Свободненском, Благовещенском и Завитинском районах в конце 1932 г. — начале 1933 г. крестьяне голодали и выступали против советской власти, заявляя: «Дожили, приходится помирать с голоду, дети кричат хлеба, а где я его возьму? И, наверное, придется детей задавить и самой решить свою жизнь, ведь голодной смертью помирать тяжело»¹⁸.

В с. Албазино Завитинского района ДВК со скотомогильника растащили все трупы животных, трое колхозников после недельной голодовки употребили взятое в пищу, кладовщик колхоза, скотник и животновод разделили между собой павшую корову. В с. Житомирке конюх колхоза, не имея хлеба, подобрал павшую овцу и употребил в пищу. В селе голодали семь семей¹⁹.

Спасаясь от голода, дальневосточные крестьяне устремились в города, промышленные центры, на транспорт. По всей стране в начале 1932 г. вспыхнули массовые выступления, охватившие (по неполным данным) 55,4 тыс. крестьян, среди которых были в основном колхозники. Количество терактов достигло 3,3 тыс., распространено антисоветских листовок около 1 тыс.²⁰ На Дальнем Востоке, например, в январе 1932 г. в 8 районах было ликвидировано 12 «контрреволюционных» и «антисоветских» группировок, заведено уголовных дел на 37 группировок, в том числе 15 повстанческих²¹.

Огромное давление властей на крестьян привело к тому, что некоторые смирились с коллективизацией, а другие продолжали ожесточенно сопротивляться. В 1932—1933 гг. трагические события разыгрались на севере Приморья на территории Верхнего Бикина, в пос. Улунге, где проживало старообрядческое население²². После разгрома выступления улунгинских крестьян прокатилась новая волна репрессий по всему северному побережью Приморья, общее число репрессированных органами ОГПУ, судом, прокуратурой и милицией за первую половину 1933 г. составило около 4 тыс. чел.²³

Репрессии в дальневосточной деревне продолжались и в период завершения коллективизации, а обрушились они не столько на крестьян-единоличников, сколько на колхозников. В 1934 г. в крае действовало 67 политотделов МТС, и свои чрезвычайные полномочия они употребили главным образом на то, чтобы провести глобальную чистку кадров колхозов и МТС, путем применения репрессивных мер добиться безусловного выполнения непосильных для крестьян хлебозаготовительных планов.

Из-за раскулачивания и репрессий, бегства крестьян за границу, самоликвидации крестьянских хозяйств и ухода в город на промышленные предприятия, в результате паспортизации и выселения «враждебных элементов» заметно уменьшилось сельское население Дальневосточного края, особенно в старожильческих районах и пограничных зонах. По-

казательно сокращение населения Тамбовского района как старожильческого, с высоким удельным весом зажиточных хозяйств. За три года (1931, 1932, 1933) население уменьшилось на 28 959 чел., более чем на половину (57%)²⁴.

К концу второй пятилетки коллективизация в крае завершилась, в колхозы было объединено 94,7% крестьянских хозяйств и 99,5% посевных площадей, насчитывалось 1 198 колхозов. Конфликт государства и крестьянства порождился классово ориентированной аграрной политикой советской власти. Государство в результате насильственной коллективизации могло брать все, что считало нужным, не давая крестьянам эквивалентного вознаграждения за их труд.

В 1937—1938 гг. на страну, в том числе и на дальневосточную деревню, обрушилась новая волна репрессий. Документы позволяют говорить о том, что кровавому террору подверглась значительная часть сельского населения региона. В результате насильственной коллективизации дальневосточная деревня понесла существенные потери в политическом, экономическом и моральном плане. Ценой огромных жертв она обеспечила индустриальное развитие Дальнего Востока, снабжение техническим сырьем и необходимым минимумом продовольствия.

В конце 30-х гг. на советском Дальнем Востоке была создана новая система ведения сельского хозяйства — колхозно-совхозная. В регионе насчитывалось 1 283 колхоза (67,7 тыс. колхозных дворов), которые объединили 99,4% крестьянских дворов и 99,9% посевных площадей, создано 76 совхозов различных направлений — животноводческих, зерновых, овощеводческих и др. Основное назначение созданной социалистической системы сельского хозяйства состояло в том, чтобы, используя в качестве основных внешнеэкономические, а иногда и чрезвычайные методы, изымать из колхозов за бесценок в пользу города, промышленности и армии основную часть производимой продукции, перекачивать из деревни людские ресурсы.

Насильственная коллективизация, раскулачивание и репрессии в дальневосточной деревне привели к пагубным социально-экономическим и демографическим последствиям. Сократилось сельское население Дальнего Востока, особенно в старожильческих районах и пограничных зонах. За период с 1928 по 1937 г. население, занятое в сельском хозяйстве, сократилось с 920 тыс. до 380 тыс. чел., или в 2,4 раза, из них остались в колхозах 303,9 тыс. чел., в МТС и совхозах — около 60 тыс. и крестьян-единоличников около 15 тыс. чел.²⁵ Произошло падение сельскохозяйственного производства, и темпы его развития на протяжении нескольких десятилетий оставались низкими, не отвечали потребностям региона. Индивидуальные хозяйства старожил, новоселов и бывших казаков, наиболее сильных предприимчивых крестьян, оказались разоренными. Крестьянство как класс самостоятельных производителей было ликвидировано, и весь уклад деревенской жизни разрушен.

Накануне Великой Отечественной войны на российском Дальнем Востоке, как и по всей стране, в сельском хозяйстве утвердилась строго централизованная административно-командная система управления, которая в конечном итоге привела к отчуждению работника от собственности и результатов его труда, «раскрестьяниванию» сельского населения и стала главной причиной хронического отставания сельского хозяйства и нехватки продовольствия на протяжении многих десятилетий.

-
- ¹ Колхозы Дальнего Востока. Хабаровск, 1930. С. 18.
 - ² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док. и материалы. В 5 т. 1927—1939. Т. 2. Ноябрь 1929— декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 414.
 - ³ Там же.
 - ⁴ ГАХК. Ф. 1228, оп. 1, д. 162, л. 8—9.
 - ⁵ Там же. Д. 164, л. 66.
 - ⁶ Трагедия советской деревни... Т. 2. Ноябрь 1929— декабрь 1930. С. 415.
 - ⁷ ГАХК. Ф. П-2, оп. 2—4, д. 169, л. 78—79; оп. 1, д. 226, л. 24.
 - ⁸ Шишко Н.П. Борьба Дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929—1932 гг.) // Учен. зап. ДВГУ. Т. 7. Сер. обществ. наук. Владивосток, 1965. С. 89.
 - ⁹ Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1996. 29 июня.
 - ¹⁰ Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 405—406.
 - ¹¹ Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997. С. 43.
 - ¹² Там же.
 - ¹³ ГАХК. Ф. П-2, оп. 1, д. 299, л. 11.
 - ¹⁴ ГАПК. Ф. 179, оп. 4, д. 38, л. 82.
 - ¹⁵ Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне (1930—1934 гг.). Благовещенск, 1999. С. 19.
 - ¹⁶ Земсков В.И. Спецпоселенцы (по данным НКВД МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 4.
 - ¹⁷ РГАЭ. Ф. 7446, оп. 2, д. 290, л. 77—78; Сутурин А. Дело краевого масштаба. Хабаровск, 1991. С. 9.
 - ¹⁸ Трагедия советской деревни... Т. 3. Конец 1930—1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 662, 664.
 - ¹⁹ Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 663.
 - ²⁰ Там же. С. 17.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Усурийский казачий вестник // Боевая вахта. Владивосток, 1992. № 200.
 - ²³ ГАПК. Ф. П.-1, оп. 1, д. 178, л. 16 (неполные данные).
 - ²⁴ ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 34, л. 245.
 - ²⁵ Тибекин А.Р. Организации и экономика сельского хозяйства Дальневосточного экономического района (1958—1985 гг.). Хабаровск, 1989. С. 83.

SUMMARY: The article “The October revolution and it’s influence to the village of the Russian Far East. The collectivization and it’s consequences” by Candidate of Historical Sciences Liudmila Proskurina is devoted to some aspects of agrarian policy of the Soviet Power in the Russian Far East.

The author comes to conclusion that collectivization was negative factor for development of the rural economy of the region.